

— Я снова заболел? — Голос Хань Цзюня звучал слабо и хрипло.

Когда разрушенный ментальный бастион его разума был напрямую задет Чжао Хунгуаном, всё его тело, включая каждую нервную нить в мозгу, словно охватило пламенем. Острая боль заставила дыхание непроизвольно остановиться, и даже после возвращения сознания леденящее ощущение жжения всё ещё вызывало дрожь. Хань Цзюнь решил, что это просто последствия синдрома берсерка.

— Ты ведь ещё не полностью выздоровел, так что приступы — это нормально. Доктор Линь только что заходил и наконец разрешил мне помыть тебя.

Чжао Хунгуан не решился сказать правду, улыбнувшись, чтобы скрыть беспокойство, и продолжил осторожно мыть ноги Хань Цзюня. Густые волосы на его ногах, обычно торчащие во все стороны, под струями воды постепенно становились послушными.

— Этот дьявол мог быть таким добрым?

Хань Цзюнь усмехнулся, но вскоре снова нахмурился из-за острой боли в ментальном море. Хотя его разум уже долгое время был охвачен пламенем, на этот раз боль была гораздо сильнее, словно кто-то копался в его мозгу. В сердце зародилось подозрение, и он, слегка стиснув зубы, незаметно наблюдал за Чжао Хунгуаном, который продолжал мыть его тело. Выражение лица молодого человека было неестественным, а в его глазах, пытающихся улыбнуться, читалась невыразимая печаль.

— Кстати, как тебя зовут, парень? Прости, моя память в последние годы сильно ухудшилась.

В конечном итоге Хань Цзюнь не стал говорить того, что могло бы ещё больше огорчить молодого проводника. В этом мире никто не должен страдать.

— Чжао Хунгуан. Можешь звать меня Сяогун.

Чжао Хунгуан быстро ответил.

— Сколько тебе лет?

Тон Хань Цзюня постепенно стал спокойнее, ведь он уже давно привык терпеть боль.

— Мне двадцать три года, я только что прошёл продвинутый аттестационный экзамен, но ещё не получил официального назначения.

Чжао Хунгуан откровенно рассказал о себе, прекрасно понимая, что в свои двадцать три года, не имея опыта выполнения заданий, он действительно выглядел мальчишкой в глазах Хань

Цзюня.

Хань Цзюнь слегка прикрыл глаза, пытаясь вспомнить, чем он занимался в свои двадцать три года, но в памяти остались лишь обрывки, в которых мелькали смутные лица.

Видя, что Хань Цзюнь молчит, Чжао Хунгуан решил заговорить первым:

— После завершения продвинутого экзамена проводники обычно заранее проверяют, какие стражи в Тауэр-зоне имеют с ними высокую степень совместимости. Ведь это влияет на нашу будущую работу и даже жизнь. Я не ожидал, что стражем с самой высокой степенью совместимости со мной окажешься ты — легенда Тауэр-зоны Сент-Неленса.

В его словах чувствовалось восхищение Хань Цзюнем, ведь он своими глазами видел его мощь и ощущал его доброту.

Хань Цзюнь дёрнул за ремни, сковывающие его руки, и с иронией усмехнулся:

— Ну что ж, извини, что ты увидел легенду голым и с голой задницей.

— Нет, ничего такого...

Чжао Хунгуан поспешно отрицал, чувствуя, как горло начинает гореть, и быстро достал ингибитор лихорадки слияния, который дала ему Наташа, и сунул его в рот. Он чуть не забыл вовремя принять лекарство. Хотя Хань Цзюнь был больным стражем, для Чжао Хунгуана, который никогда не имел телесного слияния с другими стражами, он был похож на бомбу замедленного действия, способную в любой момент спровоцировать его лихорадку слияния.

— Я попросил маму приготовить яичный рис, и, если всё пойдёт хорошо, она принесёт его завтра. Попробуешь.

Проглотив ингибитор, Чжао Хунгуан, опасаясь, что Хань Цзюнь задаст слишком личные вопросы, поспешно сменил тему.

— Мытьё, яичный рис. Ты действительно заботаешься обо мне, Сяогуан.

Хань Цзюнь слегка кивнул, теперь он был ещё более уверен в своём положении. Когда человеку перед смертью исполняют все его желания, это означает, что он может спокойно умереть. Однако последнее, что он хотел сделать, конечно же, не ограничивалось этими двумя вещами.

— Чирик.

Пухляш упрямо сидел на голове Хань Цзюня, необычайно спокойный и даже аккуратно причёсывал его растрёпанные волосы своим клювом.

Глядя на эту шаловливую птичку, Хань Цзюнь подумал о том, что ещё он хотел бы сделать.

— Ты когда-нибудь мастурбировал?

Хань Цзюнь напрямую спросил Чжао Хунгуана, который в этот момент вытирал его тело полотенцем.

Чжао Хунгуан в итоге не стал использовать сушильное устройство, так как считал, что высокая температура только причинит Хань Цзюню боль.

После того как Чжао Хунгуан в восемь лет пробудился как проводник, его отправили в Тауэр-зону, где он начал жить в общежитии. Из-за малочисленности проводников их ценили больше, и в то время как стражи ютились в комнатах на восемь человек, проводники могли наслаждаться роскошью двухместных апартаментов. Однако двум мальчикам, живущим вместе, этого было достаточно, ведь они могли узнать друг от друга многое, чего не рассказывали в учебниках, и даже то, о чём родители стеснялись говорить.

Хотя Чжао Хунгуан утверждал, что слушается маму и вступит в интимные отношения только после официального брака, как здоровый молодой мужчина, он считал, что умеренная самореализация была необходима.

— Да.

Чжао Хунгуан смущённо кивнул, неожиданный вопрос Хань Цзюня на мгновение отвлек его от печальных мыслей.

— Ха-ха-ха...

Хань Цзюнь засмеялся, прищурился глазами.

— Мне тебя так жаль, посмотри на меня... Я даже свои руки контролировать не могу. Медики из Чёрной Башни боятся, что я могу причинить вред в приступе ярости, поэтому постоянно связывают меня и используют лекарства, чтобы поддерживать мои мышцы и улучшать кровообращение. Они вложили в меня много усилий, и я благодарен им за это.

Хань Цзюнь снова дёрнул за ремни на запястьях, теперь у него не было сил разорвать эти проклятые ленты.

— Но я всё же хочу ***. Я больной, но я мужчина.

Хань Цзюнь усмехнулся, бросив взгляд вниз. Эти слова он сказал Чжао Хунгуану, и это было одним из его последних желаний.

Честно говоря, Чжао Хунгуан никогда раньше не был так близок с мужчиной. С семи лет он больше не мылся с отцом.

Хотя высокая степень совместимости с Хань Цзюнем действительно заставляла его чувствовать, что его тело и душа невольно тянутся к нему, внезапно совершить что-то выходящее за рамки привычного для него было непросто.

— Кхм, ты хочешь воды? Ты сильно вспотел.

Рука Чжао Хунгуана с полотенцем дрогнула, и он, пропустив определённую часть тела Хань Цзюня, начал энергично вытирать его грудь.

Хань Цзюнь не был тем, кто навязывает свою волю. Когда он был Верховным Стражем и возглавлял элитный отряд стражей и проводников «Хранители», он никогда не использовал свой статус для давления на других.

Чжао Хунгуан явно дал понять, что отказывается выполнять его просьбу, и это было видно по тому, как энергично он тёр полотенцем.

Синдром берсерка вызывал перегрузку пяти чувств стража, и хотя у Хань Цзюня сейчас не было приступа, его чувства уже были нарушены, и ощущение от трения полотенца по коже было для него слишком сильным.

— Эээ... Прежде чем дать мне воды, можешь делать это помягче?

Хань Цзюнь горько усмехнулся, чувствуя, что его соски вот-вот сотрутся.

— Прости, прости!

Чжао Хунгуан опомнился и поспешно извинился, его движения стали более нежными.

Между ними наступила краткая пауза. Чжао Хунгуан быстро вытер тело Хань Цзюня, а затем поднял медицинскую кровать, чтобы тот мог сесть.

Для Хань Цзюня такие моменты были редкостью, но теперь он мог внимательно рассмотреть своего брата. К его облегчению, несмотря ни на что, он до самой смерти оставался настоящим мужчиной.

Выпив воды, Хань Цзюнь больше не пытался уговорить Чжао Хунгуана развязать его или намекнуть на то, чтобы тот помог ему снять напряжение. Чжао Хунгуан, однако, решил, что голый вид Хань Цзюня выглядит не совсем прилично, и накрыл его своим пиджаком.

<http://bllate.org/book/15254/1345143>